

Вэй Ху нёс под рукой вату, а несколько отрезов ткани, купленных им, сложил в маленькую корзинку Сун Нина и велел тому нести. Потом они зашли в лавку с мелочами — купить полотенце, свиную щетинную зубную щётку и зубной порошок.

Сам Вэй Ху чистил зубы веточкой и крупной солью. Он слышал, что в домах у жителей посёлка пользуются щётками и зубным порошком, и подумал: этот юноша раньше не знал тягот, нельзя же, чтобы, придя в его дом, он сразу начал терпеть лишения. Вещи эти стоили недёшево — пришлось снова потратить несколько монет серебра.

Сун Нину было очень неловко. Если говорить красиво, он вышел замуж в семью Вэй, но по правде — пришёл лишь с небольшим узелком, не принеся с собой ничего. В семье Вэй и без того почти не было денег, а теперь, только продав одного оленя, на него самого уже потратили немалую сумму.

«Брат Вэй Ху, пойдём уже» - сказал он. «Скоро полдень, а соль, которую мама велела купить, мы ещё не взяли».

«Я помню» - отозвался Вэй Ху. «Поедим тут, в посёлке, и тогда пойдём. Я маме сказал, чтобы не готовила для нас двоих».

«Тогда давай поедем как-нибудь попроще, не стоит тратить лишние деньги».

«Ладно» - охотно согласился Вэй Ху.

К тому времени, как они всё обошли, маленькая корзинка Сун Нина была набита до отказа — почти всё в ней было для него. На сердце у Сун Нина стало тепло: как же ему повезло встретить такую добрую семью.

Они вдвоём отправились купить соль, а заодно взяли кое-что для визита "обратно в родной дом", чтобы потом не метаться в спешке.

Не успели они отойти от лавки с мелочами и на несколько шагов, как прямо навстречу им вышла девушка в красной юбке; в волосах у неё была заколота красная шёлковая цветок-лента — с первого взгляда видно, что молодая невеста.

«Ой, да это же Нин-гэ!» - протянула она.

Сун Нин поднял голову и увидел, что рядом с его сводной сестрой Сун Баочжу стоит тот самый сюцай.

«Сестра Баочжу» - тихо окликнул он.

Взгляд Сун Баочжу скользнул к корзинке в руках Сун Нина. Ткань с виду была недешёвая: пусть и не парча с шёлком, но добротный хлопок. А ведь мать говорила, что Сун Нин вышел замуж за бедного охотника, приносящего несчастье жёнам — так откуда же у них столько покупок?

К тому же охотник оказался на редкость статным — на его фоне муж Сун Баочжу выглядел каким-то болезненным цыплёнком. Она повернула голову и тут же заметила, что её муж не отрывает глаз от Сун Нина.

Вэй Ху тоже это увидел. Он нахмурился и шагнул так, чтобы заслонить Сун Нина от чужого взгляда. Судя по виду, тот был учёным: длинное одеяние, на голове квадратная шапочка.

Худой, внешне утончённый — но ни малейшего понятия о приличиях. Где это видано, чтобы взрослый мужчина так пялился на чужого гера!

Сун Баочжу и сама кипела от злости — она с силой наступила Чжао Циншу на ногу. От боли у того перекосило всё лицо. Сун Баочжу сплюнула и закричала:

«Чжао Циншу, на что ты там уставился?! Я твоя жена!»

«Я знаю, знаю...» - поспешно заговорил он. «Просто давно не видел младшего брата, вот и поинтересовался».

«Нужна ему твоя забота!» - огрызнулась Сун Баочжу. «Не видишь, что рядом стоит его муж? Да ты вообще кто такой! Своей женой не интересуешься, а на чужого фулана глаза вылупил!»

Сун Баочжу разоралась прямо посреди улицы, и прохожие один за другим начали оборачиваться. Чжао Циншу стало стыдно: как-никак он был учёным, на людях к нему всегда относились с уважением, а тут — выставили на посмешище.

«Нин-гэ, а это ещё кто?» - недовольно спросил Вэй Ху.

Если между ними не было родства, он не собирался церемониться.

«Э-это... моя старшая сестра» - ответил Сун Нин.

Сун Баочжу скрестила руки на груди:

«Значит, всё-таки помнишь, что я твоя старшая сестра? Тогда меньше соблазняй чужих мужей!»

Слова эти прозвучали отвратительно. Даже у Вэй Ху лицо помрачнело.

«Мой Нин-гэ просто стоит здесь и ничего не делает» - холодно сказал он. «А ты, женщина, не разобравшись, сразу бранишь его. С виду твой муж — учёный человек, так отчего же вы ведёте себя столь недостойно?»

Сун Баочжу не ожидала, что бедный охотник окажется таким острым на язык; его слова так её прижали, что лицо у неё вспыхнуло. Она ещё хотела выругаться, но Чжао Циншу, стыдясь происходящего, поспешно потянул её прочь:

«Баочжу, пойдём скорее. Что это за безобразие на людях!»

Вэй Ху тоже увёл Сун Нина. У него всё не выходило из головы: родные брат и сестра — а эта женщина разговаривает с младшим так грубо и зло.

«Нин-гэ, ты в порядке?» - спросил он.

«Всё нормально» - Сун Нин покачал головой. «Она всегда такая. Это моя сводная сестра, её привела в дом мачеха. С детства она меня задирала».

Теперь Вэй Ху понял причину. Значит, впредь с этой семьёй можно не церемониться. И мачеха Нин-гэ тоже относилась к нему плохо — иначе не выдала бы этого юношу за него, "несущего беду жёнам" охотника.

Если бы не забота о лице Нин-гэ, он бы и вовсе не стал возвращаться в этот дом. Но если не

пойти, в деревне обязательно пойдут разговоры — скажут, что Нин-гэ в семье не ценят и не уважают.

Вэй Ху ещё купил кувшин вина. Яйца и курицу проще было взять уже в деревне — там этого добра полно, да и не пришлось бы тащить всё на себе.

Когда все покупки были сделаны, как раз подошёл полдень. По обе стороны рынка тянулись ряды с уличной едой: лепёшки с зелёным луком, бараний суп, янчуньская лапша, маленькие вонтоны, большие паровые баоцзы...

Вэй Ху слегка наклонился и спросил:

«Хочешь чего-нибудь?»

Сун Нин указал на ларёк неподалёку:

«Хочу лепёшку с зелёным луком».

Вэй Ху купил три золотистые, хрустящие лепёшки и одну протянул Сун Нину:

«Осторожно, горячая».

Сун Нин закивал, тихо мыча в ответ. Он ел, держа лепёшку обеими руками, а корзинка, висевшая на сгибе локтя, мешала. Вэй Ху без лишних слов взял её:

«Я понесу».

Сун Нин улыбнулся ему глазами. Теперь он уже не боялся Вэй Ху: когда тот молчал, выглядел сурово, но на самом деле был человеком удивительно мягким и заботливым.

Вэй Ху с корзинкой в руках присел у небольшой вонтонной лавки. Сун Нин садиться не стал:

«Не будем тут сидеть, будем мешать хозяину торговать».

Вэй Ху тоже усмехнулся:

«Не помешаем. Хозяин, одну миску постной лапши и одну миску маленьких вонтонов».

«Будет готово!» - проворно отозвался хозяин.

«Не надо» - поспешно сказал Сун Нин. «Опять медяки тратить».

«Там всего-то несколько медяков. Садись, хоть воды попьёшь».

Сун Нину пришлось сесть. Вскоре еду подали: Вэй Ху — миску постной лапши, политой свиным жиром, Сун Нину — миску маленьких вонтонов, сверху даже плавала мелкая сушёная креветка.

Вэй Ху уже ел вовсю — в одной руке лепёшка с зелёным луком, в другой миска с лапшой, большими глотками.

На душе у Сун Нина было тепло. Он зачерпнул ложкой несколько вонтонов и переложил их в миску Вэй Ху. Тот остановил его:

«Ешь сам, не надо мне».

«Я не доем».

«Не доешь — оставь. Потом я доем».

Сун Нин кивнул головой и принялся есть. Сегодня ему особенно хотелось лепёшку с зелёным луком. В тот день, когда он ехал сюда, на повозке с быком какой-то ребёнок ел такую, и запах всё не выходил у него из головы.

Аппетит у Сун Нина был небольшой: одну лепёшку он доел — и уже почти наелся. В миске с вонтонами съел лишь несколько и больше не смог. Вэй Ху, заметив, как мало он ест, слегка нахмурился:

«Не нравится?»

«Нет, просто я наелся».

«Съешь ещё два».

Вэй Ху знал, что этот год дался Сун Нину тяжело: лицо стало землистым, сам он сильно исхудал — как тут не есть побольше.

Сун Нин послушно съел ещё два вонтона, после чего подтолкнул свою миску к Вэй Ху. Тому оставалось только беспомощно вздохнуть — сказал ведь "два", вот он и съел ровно два.

Вэй Ху в несколько глотков доел всё, что осталось в миске. Потом они собрали вещи и отправились домой.

У выезда из посёлка Вэй Ху, как и прежде, остановил повозку с быком, но Сун Нин замотал головой:

«Я... я объелся, хочу немного пройтись с тобой».

«Устанешь — скажи».

Сун Нин послушно кивнул. Все покупки Вэй Ху нёс сам, разом; у Сун Нина в руках не было ничего. Он хотел взять корзинку, но Вэй Ху не дал — для него это было легче пёрышка, ни к чему утруждать Сун Нина.

Теперь спешить с продажей добычи не нужно было, и они неторопливо пошли в сторону дома.

Настроение у Сун Нина заметно поднялось, и всю дорогу он шагал рядом с Вэй Ху.

По пути Вэй Ху пару раз спрашивал, не устал ли он и не хочет ли сесть на повозку, но Сун Нин каждый раз качал головой — ему хотелось идти пешком. Тихо, словно делаясь сокровенным, он сказал:

«Я уже не помню, как выглядела моя мама. Когда я был совсем маленьким, отец женился на мачехе. Она привела с собой сестру, которая на год старше меня, а через пару лет родила ещё и брата»

«Отец ко мне относился хорошо» - продолжал Сун Нин. «Хотя потом появился младший брат, он всё равно меня не обделял. Но сестра Баочжу меня не любила: всё время отбирала мои

вещи, даже книжки рвала. Я тоже её не люблю».

Юноша рядом тихо, вполголоса рассказывал о своём детстве. Вэй Ху чуть повернулся к нему, прислушиваясь. Голос у Нин-гэ был совсем негромкий — казалось, подуй ветерок, и он разнесётся, исчезнет.

Но голос этот был очень приятным — мягким, тёплым, словно тающим. Слушать его было легко и спокойно, будто в ладонь опустилось пёрышко.

Если бы Вэй Ху шёл в посёлок один, он бы давно уже широким шагом вернулся домой. Но сегодня, идя рядом с Нин-гэ, он вдруг почувствовал, что дорога будто стала короче.

Когда они вернулись, Чэнь Цуйхуа во дворе плела корзины из лозы — на земле уже стояло семь-восемь готовых. В руках у Сун Нина была корзинка; Вэй Ху отдал её ему уже у самого входа в деревню.

Сун Нин послушно позвал:

«Мама».

Чэнь Цуйхуа радостно откликнулась:

«Ну что, всё купили?»

Вэй Ху вынул деньги и отдал матери пять лянов серебра, оставив себе чуть больше трёх:

«Мама, ткань и вату для Нин-гэ купили. Он плохо умеет шить, помоги ему сделать».

«Хорошо, ставь сюда» - ответила она.

Чэнь Цуйхуа взглянула на корзинку — ткань была сразу видно, что хорошая. Её Ху-цзы, оказывается, умел заботиться о людях.

Хоть Чэнь Цуйхуа в обычной жизни и была бережливой, ничего говорить не стала. Новый фулан вошёл в дом — теперь все они одна семья, нельзя же и дальше экономить так же строго, как прежде.

Вернувшись, Вэй Ху тоже не сидел без дела — сразу взялся помогать плести лозу. Сун Нин делать этого не умел, поэтому принёс маленький табурет и послушно сел рядом:

«Мама, научи меня».

«Ладно. Сначала просто смотри, как плету, сразу такому не научишься. Лучше помоги мне — обрезай мелкие веточки на лозе».

Сун Нин с радостью принялся за дело. Эта работа ему была знакома, и возможность помочь по хозяйству очень его радовала — сегодня на него одного ушло столько серебра, что ему было неловко на душе.

Чэнь Цуйхуа тоже ненадолго присела отдохнуть. Вэй Ху принёс лепёшку с зелёным луком, она разогрела её на углях в очаге. Сун Нин, держа ножницы, немного неуклюже срезал мелкие веточки.

Чэнь Цуйхуа вовсе не сердилось, что Сун Нин возится медленно — всему можно научиться

постепенно. К тому же этот юноша был мягкого нрава, послушный, без лишних хлопот. В дом привёл — и тишина. Не то что невестка у Ли Гуйфэнь: каждый день такой шум поднимает, что куры с собаками не знают покоя. Нет уж, её Нин-гэ — совсем другое дело.

Вэй Ху ловко переплетал лозу и сказал:

«Мама, в корзине тот кусок тёмно-алой ткани — я для тебя купил».

Чэнь Цуйхуа улыбнулась и с лёгким укором ответила:

«х ты, опять деньги зря тратишь. Нин-гэ купить — и то ладно, а мне-то зачем? У меня и одежды хватает, зачем серебро переводить».

Вэй Ху лишь тихо усмехнулся и ничего не сказал. Он прекрасно знал: все эти годы мать не решалась сшить себе новую одежду, сэкономила на еде и на всём остальном, откладывая серебро — всё ради него. Разве мог он этого не понимать.

Чэнь Цуйхуа хоть и ворчала вслух, но в душе была рада. Её Ху-цзы думал не только о своём фулане, но и о ней, старой матери. Как же тут не порадоваться?

Потратили серебро — и ладно. Главное, чтобы своим было хорошо.

<http://bllate.org/book/15163/1353929>